

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>
EDN: MSAZYX

Научная статья / Research article

«Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом

Алексей Юрьевич Безугольный

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия
Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия
✉ besu111@yandex.ru

Аннотация: Представлен анализ особенностей комплектования личным составом двенадцати дивизий народного ополчения, сформировавшихся в Москве в начале июля 1941 г. Исследование опирается на архивные источники: как традиционное военное делопроизводство Московского военного округа, ответственного за формирование ополчения, так и массив документов Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР, в последние годы активно вводимые в научный оборот. Рассмотрены содержание нормативной базы ополченчества, формирование административно-командной вертикали, производственно-территориальный принцип комплектования и связанные с ним особенности подбора начальствующего и рядового состава. Особое внимание уделено анализу добровольных и принудительных (мобилизационных) аспектов комплектования, а также пропагандистскому сопровождению кампании и его влиянию на мотивацию москвичей, вступавших в ополчение. Делаются выводы о том, что формирование ополченческих дивизий было осуществлено в предельно краткие сроки, заданные государством. Однако, будучи организованным как типичная массовая кампания того времени, она имела много недостатков, среди которых невысокое качество подбора личного состава занимало одно из наиболее заметных мест и потребовало затем многочисленных корректировок, занявших несколько месяцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военная история, комплектование воинских частей, оборона Москвы, Московская битва

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

Для цитирования: Безугольный А.Ю. «Добровольная мобилизация» июля 1941 г.: комплектование дивизий народного ополчения Москвы личным составом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 4. С. 629–644. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>

“Voluntary Mobilization” in July 1941: Recruitment of Divisions of People's Militia of Moscow

Alexey Yu. Bezugolny

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
✉ besu111@yandex.ru

Abstract: The author presents an analysis of the peculiarities of manning divisions of the People's militia, formed in Moscow in July 1941. Despite the abundance of literature on the history of the Moscow militia, this aspect of its history has not been studied enough. The research is based on archival

sources: both documents of the military department and on documents of the Commission on the History of the Great Patriotic War at the Academy of Sciences of the USSR, which have been actively introduced into scientific circulation in recent years. The content of the regulatory framework of the militia, the formation of the administrative and command vertical, the production and territorial principle of recruitment and related features of the selection of commanding and enlisted personnel are considered. Special attention is paid to the analysis of voluntary and mobilization aspects of recruitment, as well as propaganda support of the campaign. Conclusions are drawn that the formation of militia was carried out in the shortest possible time set by the state, however, being organized as a typical mass campaign of that time, it had many drawbacks, among which the quality of personnel selection occupied one of the most prominent places and then required numerous adjustments that took several months.

Keywords: World War II, military history, recruitment of military units, defense of Moscow, Moscow battle

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00637, <https://rscf.ru/project/23-28-00637/>

For citation: Bezugolny, A.Yu. “‘Voluntary Mobilization’ in July 1941: Recruitment of Divisions of People’s Militia of Moscow.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 4 (November 2023): 629–644. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-629-644>

Введение

История Московского народного ополчения – популярный сюжет в историографии Великой Отечественной войны. В последние годы поток изданий не только не иссякает, но, пожалуй, и ширится на волне общественного интереса к Великой Отечественной войне, а также ренессанса краеведческих исследований, в которые вовлечены как специалисты, так и любители локальной истории и семейной генеалогии. При всем изобилии литературы, посвященной народному ополчению, при ближайшем рассмотрении она оказывается крайне разобщена и детализирована и в массе своей представляет собой историописание отдельных дивизий, а внутри этого дивизионного фронта авторы часто сосредоточены на персональной истории участников ополчения. Личные судьбы москвичей-добровольцев на фоне общего героического и трагического пафоса истории ополченческих дивизий – вот современный ракурс, с которого смотрят на историю московского ополчения¹.

Попыток обобщения опыта формирования дивизий московского ополчения до сих пор предпринималось не много. Среди наиболее значимых работ советского периода следует назвать публикации с участием А.Д. Колесника². Среди современных изданий стоит отметить работы, построенные на современной документальной базе, среди которых В.И. Каримова³, И.А. Слухая⁴, и ряд других.

Интересный и аргументированный анализ генезиса московского ополчения в первые дни и недели войны представлен в большой статье О.В. Будницкого⁵.

Одним из наименее изученных этапов истории московского ополчения представляется процесс их формирования в июле 1941 г. В частности, не раскрыты принципы и механизмы комплектования дивизий ополчения личным составом, оказавшиеся радикально иными, чем принятые в тот период в Красной армии. Цель

¹ *Климанов В.В.* Собой заслонили Москву: подвиг 17-й стрелковой дивизии нар. ополчения. М., 2005; *Кириллов А.А.* Дивизия героев: от Москвы до Эльбы: боевой путь 21-й дивизии народного ополчения Москвы. Петрозаводск, 2016; *Бирюков В.К.* Добровольцы-москвичи на защите Отечества. 3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия в годы Великой Отечественной войны. М., 2017 и др.

² Московское ополчение: Краткий ист. очерк. М., 1969; *Колесник А.Д.* Народное ополчение городов-героев. М., 1974; Ополченские формирования Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. *Ю.А. Поляков*. М., 1988; Народное ополчение защищает Родину / отв. ред. *Д.М. Прозктор*. М., 1990.

³ *Каримов В.И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016.

⁴ *Слухай И.А.* Московское народное ополчение Великой Отечественной войны. М., 2013.

⁵ *Будницкий О.В.* Московское народное ополчение: причины и особенности создания // Российская история. 2020. Вып. 3. С. 13. <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3>

данной статьи видится в раскрытии опыта принятия и реализации срочных, нестандартных решений органов государственного и военного управления СССР по комплектованию дивизий ополченцами, проводившихся одновременно с плановым мобилизационным развертыванием вооруженных сил в условиях высокой неопределенности развития ситуации на советско-германском фронте.

Основная работа по комплектованию 12 дивизий народного ополчения по временным штатам, разработанным штабом Московского военного округа (МВО), была выполнена в течение нескольких дней – со 2–3 по 6–9 июля 1941 г. Было набрано в среднем по 7–8 тыс. чел.⁶ В исторические формуляры бывших дивизий народного ополчения даты с 6 по 9 июля 1941 г. также вошли как дни «сформирования» или «окончания формирования» дивизий⁷. Короткий, но очень насыщенный событиями период времени в первых числах июля 1941 г. и составляет хронологические рамки данной статьи.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные и находящиеся на архивном хранении официальные документы органов власти и военных органов управления СССР. Прежде всего это хранящиеся в Научном архиве Института российской истории РАН документы Комиссии по истории Великой Отечественной войны при Академии наук СССР под руководством академика И.И. Минца, образованной в конце 1941 г. для сбора материалов по истории Московской битвы. Кроме документов комиссии Минца, к исследованию привлечен большой массив опубликованных свидетельств, связанных с историей ополчения⁸, а также материалы Центрального архива Министерства обороны РФ, которые достаточно редко привлекаются к исследованиям по истории московского ополчения. Это дает объемную картину создания московского народного ополчения.

Нормативные и организационные основы формирования московского народного ополчения

Идея народного ополчения, очевидно, возникла у московских властей и командования Московского военного округа между 26 июня и 1 июля 1941 г. Нижняя граница определяется началом формирования ополчения в Ленинграде, где инициатором создания армии добровольцев выступил Военный совет Северного фронта (преобразован из Ленинградского военного округа), в состав которого входили политические руководители города – А.А. Жданов и А.А. Кузнецов. Одновременно они являлись представителями высшего руководства страны, близко коммуницировавшими с И.В. Сталиным. В ряде ключевых черт (принципы комплектования, организационный состав дивизий) московский проект ополчения, безусловно, следовал ленинградскому примеру. Показанное ниже активное участие в разработке директивных документов о формировании ополчения руководителя московской партийной организации и секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова и наркома внутренних

⁶ Научный архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 2. Разд. 9. Оп. 4. Д. 10. Л. 1об.

⁷ Москва – фронту. 1941–1945: Сб. док. и материалов / отв. ред. С.М. Кляцкин. М., 1966. С. 152, 159, 167.

⁸ Гордон А.Е. Московское ополчение 1941 года глазами участника // Отечественная история. 2001. № 3. С. 158–163; Шимкевич В. Судьба московского ополченца. Фронт, окружение, плен. 1941–1945. М., 2008; Рулин Б. Записки случайно уцелевшего. М., 2010; Вахромеев В. Выжить и вернуться. Одиссея советского военнопленного. 1941–1945. М., 2011; Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. Воспоминания бойцов 6-й дивизии народного ополчения. 1941–1942. М., 2015; Каримов В.И. Они отстояли Москву. По зову сердца, по велению совести. М., 2017; Ростокинская дивизия. Воспоминания, письма, биографии. М., 2019; Ополченцы 5-й Фрунзенской в битве за Москву. По воспоминаниям бывших ополченцев 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района г. Москвы и исследованиям историков. М., 2021 и др.

дел Л.П. Берии не исключает того, что именно эти чиновники, не желая отстать от ленинградских соратников, взяли на себя инициативу объявить сбор ополчения и в Москве.

Формирование ополчения в Москве было, очевидно, решением эмоциональным, продиктованным опасениями слишком быстрых темпов продвижения на центральном участке советско-германского фронта. 28 июля пал Минск и это произвело тяжелое впечатление на руководство страны. При сохранении таких темпов наступления можно было ожидать врага у ворот столицы через две недели. Необходимы были дополнительные резервы для защиты города⁹.

К 1 июля замысел формирования ополчения в Москве обрел конкретные формы. Этим днем датирован проект приказа командующего войсками Московского военного округа генерал-лейтенанта П.А. Артемьева «О порядке проведения мобилизации 300 тысяч народного ополчения из трудящихся гор. Москвы и Московской области согласно решения Правительства»¹⁰. На документе стоит пометка о согласовании «за» и датированные этим же днем подписи: наркома внутренних дел Л.П. Берии, первого секретаря МК и МГК ВКП(б) А.С. Щербакова, самого А.П. Артемьева, а также председателя Моссовета В.П. Пронина. Машинописная версия документа содержит многочисленную правку, внесенную собственноручно Берией.

2 июля документ с учетом правки Берии был оформлен постановлением Военного совета Московского военного округа № 0031 «О добровольной мобилизации жителей Москвы и Московской области в народное ополчение»¹¹. Согласно протоколу заседания, на нем присутствовали: командующий войсками округа генерал-лейтенант П.А. Артемьев, Л.П. Берия и А.С. Щербаков в качестве членов Военного совета, а также приглашенные лица – председатель Моссовета В.П. Пронин и «другие по особому списку»¹². Очевидно, под «другими» подразумевались 25 секретарей московских райкомов, срочно собранных 2 июля в кабинете у председателя правительства В.М. Молотова¹³ и по предложению последнего единогласно одобривших формирование народного ополчения.

Постановлением Военного совета МВО № 0031 были определены масштабы мобилизации (270 тыс. человек, из которых 200 тыс. – в Москве и 70 тыс. – в Московской области); ее сроки (начало – 3 июля, окончание в Москве – 5 июля, в области – 6 июля); возрастные рамки ополченцев (17–55 лет); порядок укомплектования рядовым и начальствующим составом; вооружение и снабжение добровольческих дивизий. Командующий округом, на которого было возложено формирование ополчения, дал указания относительно развертывания боевой подготовки ополченцев¹⁴. 4 июля положения постановления Военного совета МВО № 0031 были почти без изменений воспроизведены в постановлении Государственного комитета обороны № 10, которое к тому же установило очередность формирования ополчения (12 дивизий первой очереди и 13 дивизий – второй) и срок готовности для дивизий первой очереди – 7 июля. Наконец, в этот же день, 4 июля был издан приказ войскам Московского военного округа № 0027 за подписями командующего войсками генерал-лейтенанта А.П. Артемьева, А.С. Щербакова как члена Военного совета и секретаря МГК ВКП(б) И.М. Соколова¹⁵.

⁹ Будницкий О.В. Московское народное ополчение... С. 6–10.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 8–10.

¹¹ Москва прифронтовая. С. 89–90.

¹² Там же.

¹³ Подробный разбор обстоятельств и содержания этого совещания см.: Будницкий О.В. Московское народное ополчение... С. 6–9.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 236.

¹⁵ Там же. Оп. 12461. Д. 9. Л. 3–5.

В приказе МВО № 0027 была ссылка на постановление ГКО № 10 и содержалась детализация его положения, а именно: объявлялась нумерация всем 25 формируемым дивизиям; содержался штат дивизий первой очереди по образцу штата сокращенной стрелковой дивизии военного времени (9424 человека, в том числе 628 – начсостава, 1310 – младшего начсостава и 7486 – рядового состава)¹⁶; определялись сроки укомплектования дивизий начальствующим и рядовым составом (5 и 6 июля соответственно) и 12 районов, формирующих дивизии первой очереди; наконец, определялись сроки окончания формирования дивизий: первой очереди – к 7 июля, второй очереди – «по особому распоряжению»¹⁷.

Постановления Военного совета МВО от 2 июля № 0031 и ГКО от 4 июля № 10, а также приказ войскам МВО от 4 июля № 0027 составили нормативную базу для формирования московского ополчения. Непосредственные исполнители – председатели райкомов, райвоенкомы и командиры дивизий руководствовались в своей работе прежде всего постановлением Военного совета МВО № 0031. Именно оно упоминается в большинстве донесений о ходе формирования ополчения. Фактическая его отработка началась, по данным Красногвардейского районного военкомата, уже в 8 часов 2 июля¹⁸.

Добровольность и мобилизация в практике формирования ополченческих дивизий

В публичном поле первые признаки широкомасштабной кампании по формированию ополченческих частей стали заметны уже 1 июля: в этот день в обед на предприятиях Москвы прошли митинги и началась запись добровольцев (речь пока не шла об ополчении)¹⁹. 2 июля на второй полосе «Известий» об этом событии появилась заметка²⁰.

Официальный старт кампании был дан только обращением И.В. Сталина к гражданам, прозвучавшим рано утром 3 июля²¹. В нем, в частности, сообщалось, что «трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии». И следовал призыв:

В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину в нашей Отечественной войне с германским фашизмом²².

Таким образом, рано утром, 3 июля, после выступления по радио И.В. Сталина, призвавшего, в частности к созданию «многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии»²³, кампания по организации дивизий народного опол-

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 11–56.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Оп. 12462. Д. 24. Л. 228.

¹⁹ Москва – фронту... С. 118–120.

²⁰ Известия. 1941. 2 июля.

²¹ Выступление Сталина состоялось в 6.30 по московскому времени, а центральные газеты, по требованию ответственного за пропаганду секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова еще накануне вечером зарезервировали первую полосу под экстренный материал. После доверстки первой полосы, первый тираж центральных газет был отпечатан около 9 утра 3 июля и немедленно был отправлен на распространение. См.: *Ортенберг Д.И.* Июнь – декабрь сорок первого: Рассказ-хроника. М., 1984. С. 22–23; Уже с 7.30 в райкомах созывались совещания с участием директоров предприятий, а вслед за этим на всех предприятиях и в учреждениях начались митинги с последующей записью в ополчение. См.: Москва прифронтовая... С. 91.

²² Выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина // Правда. 1941. 3 июля.

²³ Там же.

чения в Москве развернулась в полную силу. Основная нагрузка в этой работе легла на плечи внеинституциональных чрезвычайных органов – троек, возглавляемых партийными руководителями – председателями райкомов ВКП(б). В состав районной тройки также входили начальник райотдела НКВД и райвоенком. На период формирования дивизий, работа всего партийного, советского и военного аппарата районов полностью подчинялась тройкам. Вопросы подбора командного и политического состава, рядовых ополченцев, обеспечения помещениями, транспортом, снаряжением распределялись между членами тройки, которые, в свою очередь, действовали весь подчиненный им аппарат²⁴.

Вполне очевидно, что административная вертикаль, наделенная чрезвычайными полномочиями, была нацелена на приказной, директивный способ организации ополченческих дивизий. Перечисленные выше документы МВО и ГКО, регулировавшие формирование ополчения в Москве, прямо и недвусмысленно предписывают именно мобилизационный способ комплектования личным составом. Стоит сказать, что в постановлении ГКО № 10 термин «мобилизация» и его производные использовано 18 раз, между тем как добровольность упомянута лишь однажды: ее собственноручно вписал в заголовок самого первого проекта постановления Военного совета МВО от 1 июля Л.П. Берия, изобретая, тем самым, известный оксюморон «добровольная мобилизация», перекочевавший затем в постановление ГКО²⁵. Однако в самом содержании постановления добровольность записи в ополчение не упомянута ни разу. Более того, все перечисленные документы требовали «в последующем» осуществить «оформление мобилизации через военкоматы». А приказ МВО № 0027, в числе прочего определявший порядок работы военкоматов, требовал от них оформить на ополченцев учетно-воинскую документацию как на мобилизованных, что в дальнейшем и было сделано в соответствии с «Наставлением по мобилизационной работе местных органов военного управления НКО СССР», введенном в действие приказом НКО № 095 от 5 марта 1941 г.²⁶ Статистические материалы организационно-мобилизационного отдела МВО не содержат никаких данных о вербовке добровольцев; все категории военнообязанных граждан, призванных в армию, проходят по категории «призваны по мобилизации»²⁷.

В полном соответствии с этим подходом 3 июля районные тройки составили цифровые расчеты и разнарядки на парторганизации предприятий, а те, в свою очередь, составляли списки работников, зачисляемых в ополчение²⁸. Комбриг 15-й дивизии Пролетарского района комбриг Кузьмин так и назвал это мероприятие: «спичочной мобилизацией»²⁹. Наиболее расторопные районные тройки готовы были осуществить такую заочную мобилизацию за один день. Сталинский райком уже в 18 часов 3 июля докладывал в секретариат Военного совета МВО:

Проведена мобилизация рабочих и служащих предприятий, учреждений и заведений, продолжается проверка по спискам³⁰.

Массовая запись реальных людей, между тем, 3 июля только разворачивалась. Настроившись (а точнее, настроенные вышестоящими инстанциями) на принудительную мобилизацию, чрезвычайные тройки с первого дня столкнулись с не-

²⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 20. Д. 5. Л. 1–1об.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12461. Д. 9. Л. 8–10.

²⁶ Текст Наставления см.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). М., 1994. С. 246–256.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 182. Л. 1–10.

²⁸ Там же. Д. 24. Л. 207.

²⁹ Там же. Л. 235.

³⁰ Там же. Л. 253.

виданным энтузиазмом москвичей. Поток добровольцев был настолько велик, что меры принуждения в большинстве случаев не потребовались. В коллективной памяти рядовых ополченцев, которые, разумеется, были не знакомы с секретными приказами об их мобилизации, кампания по формированию московских дивизий в июле 1941 г. запомнилась именно как добровольческая. Это нашло отражение во множестве опубликованных воспоминаний и прочно вошло в общественную память о битве за Москву. Случаи принуждения к записи если и припоминаются, то скорее как эксцессы. Напротив, приводится множество примеров того, как желающих (например, старшеклассников или, наоборот, пожилых людей, а также ценных специалистов) отговаривали от записи или вовсе им отказывали.

Инструмент принуждения носил вспомогательный характер. Военный комиссар Советского района И.Ф. Качнов характеризовал ситуацию следующим образом:

В основе этой мобилизации лежал добровольческий принцип, но тройке было предоставлено право мобилизовать в ряды народного ополчения хотя бы и не желающих, но могущих по общей установке войти в ряды народного ополчения³¹.

Как отмечалось в датированном декабрем 1943 г. очерке по истории 5-й дивизии Фрунзенского района, сохранившимся в материалах комиссии Минца,

в составе некоторых организаций до 10–15 % были люди, мобилизованные в ополчение местными организациями. Эта мера для пополнения количественного контингента, была санкционирована райкомом партии и ничего плохого не имела³².

Приведенная летописцем 5-й дивизии цифра, очевидно, объективно описывает масштаб принудительной записи в ополчение. Можно сказать, что мобилизационная кампания на ходу, явочным порядком была переформатирована в преимущественно добровольческую.

«Нам говорили, что мы едем в тыловое ополчение...»

Процедура непосредственного, личного приема (записи) в ополчение работников предприятий и учреждений нашла отражение во многих воспоминаниях участников событий. Все они свидетельствуют о том, что комплектование ополчения шло просто и неформально. Запись добровольцев вел на предприятии секретарь парткома, бригадир или иное лицо, облеченное государственной, партийной или должностной властью. Один из московских ополченцев вспоминал:

Записал меня в ополчение секретарь парткома института, мой преподаватель строительной механики Тихон Георгиевич Фролов. С этого дня я – ополченец, командир саперного взвода³³.

Еще один москвич вспоминал:

У столика, покрытого кумачом... сидел сам начальник цеха Озеров... У меня спросили фамилию, год рождения и табельный номер – 996. Процедура записи была проста³⁴.

По данным советской литературы, повсеместно распространенным и сейчас, в Москве только в первые дни заявления о вступлении в ополчение подали 168 470 чел., а в Московской области – около 140 тыс. чел.³⁵ Эти цифры сложно проверить, но то, что добровольная запись носила массовый характер – это факт.

³¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 19. Д. 1. Л. 15 об.

³² Там же. Разд. 1. Оп. 43. Д. 2. Л. 2.

³³ Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. С. 10.

³⁴ Шимкевич В.Н. Судьба московского ополченца. С. 25.

³⁵ Народное ополчение Москвы. Воспоминания бывших бойцов и командиров нар. ополчения. М., 1961. С. 16–17.

В то же время, если углубиться в мотивы москвичей, то можно с уверенностью сказать, что часть из них ожидала от ополчения чего-то иного, чем участия в сражениях против регулярных войск противника далеко от дома. Немало горожан готовились к неким тыловым работам, охране правопорядка или чему-то подобному и это, безусловно, усилило поток добровольцев:

Все думали, что это будет охрана Москвы, – свидетельствовал ополченец 13-й дивизии Ростовского района. – Поэтому-то все с большой радостью записывались, несмотря на свой преклонный возраст³⁶.

Другой говорил:

Думали об оборонительных работах и что они мало чем будут отличаться от работы на производстве³⁷.

Бывший комиссар 18-й дивизии Ленинградского ополчения А.П. Логинов, лично осуществлявший запись добровольцев в своем институте, отмечал, что в первый день кампании, 3 июля, по ошибке запись велась в Красную армию. В результате «записались почти все, кроме пожилых». А на следующий день пришло уточнение о записи в народное ополчение, после чего «записавшихся было еще больше <...> почти поголовно»³⁸.

В самом деле, буквальное толкование речи Сталина 3 июля о создании ополчения «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага», и передовицы «Правды» 7 июля об ополчении как о «великом резерве» Красной армии³⁹ приводило москвичей к однозначному выводу: «Организуется народное ополчение для возведения оборонительных сооружений вокруг городов и обучения военному делу...»⁴⁰. Более того, именно в таком духе москвичи получали разъяснения от должностных лиц: «Нам говорили, что мы едем в тыловое ополчение...» (18-я дивизия Ленинградского района)⁴¹; «Объяснили, что народное ополчение должно было в тылу помогать», – заявляли ополченцы, ссылаясь на свои парткомы (13-я дивизия Ростовского района)⁴². Аналогичная информация поступала из районов Подмосковья, формировавших ополченческие батальоны⁴³. Точное предназначение дивизий не знали ни его командование, ни райкомы. По воспоминаниям политработника П.С. Прошинского (4-й дивизии Куйбышевского района),

как потом обнаружилось, никто, в том числе руководящий состав дивизии, не знали, какое мы получили задание, потому что все-таки ввели в заблуждение весь состав тем, что сказали, что мы выезжаем на короткий срок и не очень далеко, будем вести оборонные работы, поэтому личные вещи с собой не брать. Все оставили вещи в школе⁴⁴.

Свидетельства ошибочного толкования сущности ополчения в материалах комиссии Минца встречаются столь часто, что было бы неверным относить их просто к вездесущим слухам, сопровождающим любое массовое начинание. Есть все основания предполагать, что заблуждение, в котором оказались многие москвичи и даже сами райкомовские тройки (информируемые сверху), было не случайным и руко-

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 10. Л. 2.

³⁷ Там же. Оп. 30. Д. 4. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ На поддержку Красной армии – могучее народное ополчение // Правда. 1941. 7 июля.

⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 4. Л. 2.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Оп. 67. Д. 6. Л. 1.

⁴³ Там же. Оп. 30. Д. 15. Л. 1 об – 2.

⁴⁴ Там же. Оп. 27. Д. 1. Л. 60.

водство страны и вооруженных сил действительно первоначально готовило ополчение именно для охраны и обороны городских объектов, а дивизии планировалось расквартировать в Москве. На это недвусмысленно указывают предпринимаемые с первого дня формирования усилия по обустройству капитального казарменного фонда дивизий, под которые были отданы многие школы, размещение на предприятиях заказов на казарменный инвентарь (койки, топчаны, нары, столы, стулья, шкафы), подготовке постельных принадлежностей (матрацы, одеяла, подушки, постельное белье), организации стационарного пищевого блока и бань и т. д. И напротив, ничто из приготовлений и заготовок не указывало на скорый длительный поход. Поспешный вывод в конце первой декады июля едва сформированных дивизий за пределы Москвы мог быть обусловлен невозможностью организовать боевую учебу и намерением пресечь так называемые «домашние» настроения, отрицательно сказывавшиеся на дисциплине.

Вполне определенно планы высшего военно-политического руководства относительно использования московского ополчения определились только к середине июля в связи с ухудшением фронтовой обстановки на западном направлении. 16 июля было принято решение о создании Можайской линии обороны и двух резервных армий для нее, в состав которых были включены десять московских дивизий. В самой же Москве место дивизий в системе местной обороны заняли созданные также по районному принципу, но более мобильные и относительно хорошо вооруженные истребительные батальоны.

Особенности комплектования ополченческих формирований

Авральные сроки формирования дивизий не позволяли проводить индивидуальный отбор ополченцев. Назначение командиров частей и подразделений лишь на какие-то часы предшествовало назначению рядового состава. На должности старшего командно-начальствующего состава отделом кадров МВО были выделены опытные кадровые командиры, в основном – преподаватели военно-учебных заведений. Что касается среднего и младшего начальствующего состава, то постановление ГКО № 10 от 4 июля 1941 г. предписывало

младший [начальствующий] состав, 50 % командиров взводов, до 40 % командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии [комплектовать] из рабочих, служащих и учащихся района⁴⁵.

Это означало, что, по крайней мере, половина средних командиров должны были быть кадровыми военными. Но на деле сотни должностей командного, политического, административного, медицинского состава замещались из числа начсостава запаса, а также за счет выдвинутых из рядов ополченцев.

Назначение начсостава проходило по предельно простой схеме. Райвоенкоматы подбирали учетно-послужные карты кандидатов. Командиры дивизий и начальники штабов просматривали их и вызывали командиров запаса на краткие беседы, которые из-за наплыва людей длились «не больше двух-трех минут», после чего человеку объявляли:

Ну, ты будешь командиром полка <...> Ты будешь командиром батальона, роты, батареи...⁴⁶

Зачисление рядового состава, как уже отмечалось выше, повсеместно осуществлялось заочно, по спискам, которые поступали с предприятий и из учреждений. Как

⁴⁵ Москва военная... С. 261–262.

⁴⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 1об.

свидетельствовал один из работников Пролетарского райкома ВКП(б), «людей, как таковых, мы видели очень мало, главное, мы имели дело со списками»⁴⁷. Фактически наиболее расторопные чрезвычайные тройки, например, Кировского, Ленинского и Ленинградского районов, окончили списочное комплектование дивизий (7,5–8 тыс. чел.) уже 4 июля⁴⁸.

Вслед за подачей списков ополченцы в назначенный час собирались на предприятиях и под руководством парторга, часто в сопровождении оркестра торжественно шествовали по улицам Москвы на пункт сбора – в одну из школ района. Иногда ко времени прибытия в расположение частей ополченцы уже были распределены по взводам и ротам. В других случаях они прямо в школьных дворах и парках рассортировывались по подразделениям, для чего выставлялись столы с табличками. Командиры подразделений проводили краткие опросы прибывших, выявляя нужных им военных специалистов⁴⁹. Однако из-за дефицита таковых успехи, как правило, были скромными. Политрук одной из батарей 18-й дивизии Ленинградского района вспоминал:

Мы нашли всего 4–5 артиллеристов, а остальных уже взяли первых попавшихся – всего 60 человек⁵⁰.

Лейтмотивом всех без исключения свидетельств должностных лиц, ведавших подбором и записью ополченцев, выступает тема «лучших людей». Ее появление не случайно. Объективная невозможность полноценного допризывного отбора по возрасту, физическим данным, образовательному уровню, политико-моральным качествам, допризывной военной подготовки или военно-учетной специальности – то есть всего того, что делали в обычных условиях военкоматы – заставляло прибегать к суррогатному отбору «лучших людей». Поскольку главным рекрутером ополченцев были парткомы предприятий и учреждений, то во главу угла выходили политико-моральные качества кандидата. Остальные критерии не то чтобы игнорировались, но учитывались самым поверхностным образом, поскольку для их оценки парткомы не располагали ни временем, ни компетенцией.

Привилегия ополченцев: производственно-территориальный принцип комплектования

Списочный способ зачисления в ополчение сочетался с еще одной вынужденной новацией, получившей наименование *производственно-территориальный принцип комплектования* частей и подразделений. Как правило, добровольцы с одной фабрики, института, наркомата обращались на укомплектование одного подразделения:

«Внутри каждого соединения... отдельные роты, взводы, батальоны комплектуются определенными предприятиями по разнарядке чрезвычайной тройки данного района»⁵¹.

Подразделения неформально именовались по «материнским» предприятиям: «рота маевцев», «рота менжинцев» и т. п.⁵² Крупный завод мог укомплектовать сразу стрелковый батальон и даже полк. Очевидно, возникновение такого подхода

⁴⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 16. Д. 3. Л. 1.

⁴⁸ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 261, 275.

⁴⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 43. Д. 2. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Оп. 30. Д. 13. Л. 1 об. Эти слова подтверждаются данными штабов формируемых дивизий. Например, в 1-й дивизии Ленинского района было выявлено 1061 человек, служивших в армии, из которых обладали ценными воинскими специальностями (пулеметчик, артиллерист, минометчик, сапер, связист) 301 чел.; во 2-й дивизии Сталинского района количество служивших оказалось 1427 чел., количество специалистов – 220 чел. См.: ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 257, 275.

⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 192.

⁵² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 19. Л. 27об.

стало одной из многих в те дни импровизаций, поскольку основополагающие руководящие документы, в частности приказ МВО № 0027 от 4 июля и постановление ГКО № 10, имели в виду несколько иное, предписывая «формирование 25 дивизий произвести по *районному* принципу»⁵³. В последнем случае речь шла о хорошо отработанном в Красной армии в 1920–1930-е гг. и изжитом накануне войны *территориальном* способе комплектования, предусматривавшим привязку к каждой воинской части к определенной административной территории (области, республики), достаточной для ее комплектования в условиях мирного и военного времени. Территориальный принцип был относительно дешев за счет радикального сокращения воинских перевозок и сочетания с милиционным способом боевой подготовки (на кратковременных сборах) без длительного отрыва бойцов от производства. Перед войной от территориального принципа комплектования отказались в пользу экстерриториального, позволявшего свободно маневрировать людскими ресурсами для формирования войсковых группировок требуемой плотности.

Социальные связи, основанные на земляческой или этнической идентичности в территориальных частях Красной армии 1920–1930-х гг. в случае с московским ополчением 1941 г. заменялись еще более тесными узами – производственными, соседскими, родственными. Повсеместная (хотя и не тотальная) практика комплектования ополчения по производственному признаку означала ни что иное, как редукцию территориального принципа комплектования к предельно простой форме прямого использования готовых производственных связей и иерархии трудового коллектива в интересах скорейшего боевого славивания ополченческих подразделений.

Вполне очевидно, что общее место работы и близкое землячество (соседство) способствовали скорейшему установлению социальных связей между ополченцами. «Правда» живописала эту особенность как одно из ее выдающихся преимуществ:

Народное ополчение сильно кровным родством людей по труду, по профессии, по производству <...>, представляет собой семью людей, знающих и понимающих друг друга...⁵⁴

Старые производственные связи» как фактор «крепкого, морально устойчивого коллектива» отмечала и инспекция Генерального штаба Красной армии в конце августа 1941 г.⁵⁵

Однако производственно-территориальный принцип комплектования имел ряд существенных недостатков, в значительной степени перечеркивавших его преимущества. Во-первых, он мешал подбору ополченцев по воинским специальностям: в одной стрелковой роте оказывались специалисты одного предприятия и одной профессии (например, повара, шоферы, связисты), в то время как в специальных подразделениях «превалируют стрелки и необученные»⁵⁶. Во-вторых, при таком способе комплектования повсеместно наблюдалась ситуация, когда доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, руководящий состав и ценные производственники – начальники паровозных депо, мастера цехов, начальники железнодорожных станций и узлов, паровозные машинисты, оказавшиеся в стрелковых подразделениях, использовались в качестве рядовых на земляных работах. Ветеран 6-й дивизии народного ополчения Б.В. Зылев, бывший в 1941 г. аспирантом Московского института инженеров транспорта (далее – МИИТ), вспоминал, что в его взводе оказалось сразу восемь кандидатов наук, доцентов МИИТ, один доктор наук, профессор

⁵³ Битва за столицу: в 2 томах. От обороны к контрнаступлению: сб. док. / отв. сост. А.А. Гуров. М., 1994. Т. 1. С. 191.

⁵⁴ *Исаченко А.* С верой в груди, с оружием в руках // Правда. 1941. 8 июля.

⁵⁵ ЦАМО РФ. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 16.

⁵⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 193.

и еще один преподаватель⁵⁷. Нерациональное использование ценных кадров на должностях рядовых бойцов – наиболее характерный для начального периода войны аспект комплектования ополченческих формирований.

Уже 9 июля представитель Мобуправления Генерального штаба Красной армии майор Е.Л. Збандуто предложил отказаться от производственного принципа комплектования, для чего

разрешить командирам дивизий производить распределение дефицитных ВУС по своему усмотрению⁵⁸.

На практике так довольно часто и происходило, несмотря на протесты ополченцев, воспринимавших территориально-производственный принцип комплектования как привилегию добровольца: народ очень не хотел уходить, подавал заявления в райком, но приказ есть приказ...⁵⁹

С другой стороны, производственный принцип прямо противоречил плановой учетно-мобилизационной работе местных органов военного управления, поскольку те вели воинский учет и призыв по месту прописки, а не по месту работы военнообязанных. Часто случалось, что человек проживал в одном районе, а работал в другом. В этом случае он поступал на комплектование дивизии народного ополчения другого района, в то время как военкомат первого продолжал учитывать его в своем мобплане⁶⁰. Отмечены случаи, когда райвоенкоматы отказывали в выделении ресурсов находящегося на учете начсостава запаса на укомплектование дивизий народного ополчения без санкции вышестоящей инстанции⁶¹.

Ополчение и людские ресурсы Москвы

Осложнял работу военкоматов и возрастной диапазон, установленный Государственным комитетом обороны. Вопреки расхожему мнению, в дивизии народного ополчения зачислялись далеко не одни «непризывные возрасты», то есть старики и допризывная молодежь. Граждане, родившиеся с 1905 по 1918 гг., то есть подпадавшие под мобилизацию, хотя и не преобладали, но составляли заметную прослойку в ополчении. Так, по имеющейся статистике, в 18-й дивизии Ленинградского района удельный вес этих возрастов достигал 27,4 %⁶². В 1-й дивизии Ленинского района 15,8 % ополченцев относились к возрастным категориям от 1907 до 1916 годов рождения, а еще 569 человек (7,3 %) были рождены с 1917 по 1921 годы⁶³ и т. д.

В постановлении ГКО № 10 оговаривалось, что призыву в ополчение не подлежали «военнообязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания»⁶⁴, также рабочие оборонных предприятий «по усмотрению районной тройки»⁶⁵. Это означало, что от записи в ополчение освобождались только лица, и без того подлежащие призыву по мобилизации, объявленной 22 июня 1941 г. (до 35 лет, имеющие военно-учетную специальность), а также работники,

⁵⁷ Зылев Б., Дарков А. В вяземском окружении. С. 10.

⁵⁸ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 193.

⁵⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 20. Д. 2. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Оп. 16. Д. 16. Л. 1.

⁶¹ ЦАМО РФ. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 285.

⁶² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 30. Д. 17. Л. 18.

⁶³ Там же. Разд. 9. Оп. 7. Д. 8. Л. 3–7.

⁶⁴ По установленному в предвоенные годы порядку, мобилизационные предписания для явки в воинские части или на сборные пункты военкоматов должны были иметь военнообязанные, отслужившие действительную военную службу.

⁶⁵ Москва военная. С. 261–262.

имевшие бронь. Все остальные категории военнообязанных: 2-й категории 1-го разряда (до 35 лет, не обученные), а также 2-го и 3-го разрядов обеих категорий (от 36 до 50 лет обученные и необученные) могли без ограничений записываться в ополчение. Очевидно, именно это имелось в виду в одном из инспекторских докладов на имя заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко:

Дивизии московского ополчения сформированы из добровольцев, непризванных возрастов рабочих и служащих предприятий, заведений и учреждений г. Москвы...⁶⁶

То есть не призванных к тому моменту, а не непризываемых вообще.

При определении масштабов «добровольной мобилизации» ее инициаторы, безусловно, исходили не из ресурсных возможностей Москвы, а из намеченного числа дивизий (25) и их штатной численности около 10 тыс. человек, которые в последующем и были утверждены. Основная нагрузка по формированию ополчения ложилась на плечи Москвы, хотя ее ресурсы военнообязанного населения были меньше, чем у Московской области. По состоянию на 1 мая 1941 г. в Москве на учете состояло 657,7 тыс. военнообязанных общего и специального учета возрастом от 17 до 50 лет (для сравнения, в Московской области – 829,9 тыс. чел.)⁶⁷. За вычетом состоявших на спецучете (забронированных) москвичей свободных ресурсов накануне войны оставалось 470,8⁶⁸. Значительная часть от этого числа относилась к наиболее ценной для укомплектования войск 1-й категории 1-го разряда (по учетным данным МВО на 1 января 1941 г. к этой категории относилось 41,7 % всех военнообязанных)⁶⁹. Именно эта категория военнообязанных была поднята по мобилизации 22 июня. За вычетом военнообязанных 1-й категории 1-го разряда в Москве свободных ресурсов оставалось 280–300 тыс. чел., из которых требовалось 200 тыс. чел. мобилизовать в ополчение. Разумеется, это сразу же ставило хозяйственную жизнь столицы в тяжелейшее положение.

Нерациональность и расточительство в использовании людских ресурсов были очевидны. Особенно в первые дни формирования, когда чрезвычайные тройки стремились к досрочному выполнению планов, в связи с чем, по свидетельству начальника штаба 13-й дивизии Ростокинского района С.С. Мусатова, «перебарщивали» и давали предприятиям наряд «на всех людей без разбора»⁷⁰. В результате в одночасье пустели целые цеха и учреждения. Поэтому в документах очень часто можно встретить принцип комплектования «без ущерба для производства»⁷¹. Секретари райкомов понимали, что чрезмерно ретивое выполнение задачи грозит нормальной работе предприятий района. Секретарь Куйбышевского райкома Н.М. Шахова отмечала, что

по некоторым наркоматам⁷² записались абсолютно все, а потом наркомы звонили и говорили: «Мы не можем же оголять наркомат и отпускать всех в народное ополчение». Приходилось оставлять народ⁷³.

Только из 4-й дивизии Куйбышевского района в первые же дни было отсеяно по заявкам предприятий или наркоматов 1,5 тыс. чел.⁷⁴ В условиях цейтнота многие

⁶⁶ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 14. Л. 14.

⁶⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 182. Л. 10, 17–18.

⁶⁸ Там же. Л. 10.

⁶⁹ Там же. Д. 135. Л. 29об.

⁷⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 67. Д. 3. Л. 2об.

⁷¹ Москва военная. С. 262.

⁷² Имеются в виду отраслевые предприятия.

⁷³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 1. Оп. 27. Д. 2. Л. 1–2.

⁷⁴ Там же.

кадровые решения оказались поспешными, и в дальнейшем потребовалось несколько месяцев на отзыв из дивизий народного ополчения нужных специалистов. Бывший комдив 1-й дивизии Ленинского района генерал-майор Н.Н. Пронин отмечал:

Еще долго после того, как мы ушли с дивизией [из Москвы], подавались запросы о людях с предприятий и учреждений⁷⁵.

Отсев из народного ополчения был связан не только с производственными нуждами, но и с физической непригодностью части добровольцев. В Москве в первые дни формирования отрядов ополченцев из отдельных полков отчислялось до 25 % личного состава⁷⁶. Определенный отсев был и по так называемым «морально-политическим качествам», то есть по признаку политической неблагонадежности, но судя по документам, масштаб его был невелик.

Запись в ополчение в Москве прекратилась также внезапно, как и началась: приблизительно к 6–8 июля дивизии было набрано по 7–7,5 тыс. человек. Похоже, что приблизительно такое контрольное число было выставлено районам. По крайней мере, три района заявляли его как предельное⁷⁷. В целом такое количество ополченцев соответствовало типовому штату, утвержденному приказом МВО № 0027 от 4 июля 1941 г. (7359 человек) без учета запасного полка, которые формировались по остаточному принципу. Набрав нужное количество людей, районные тройки явно сбрасывали обороты, полагая свою миссию выполненной. В дальнейшем дивизии добирали недостающее количество ополченцев за счет районов Москвы, в которых формирование ополчения было отменено, батальонов из Московской области, а также кадровых командиров, командирруемых отделом кадров Московского военного округа.

Выводы

Подводя итог исследованию первых дней формирования московского народного ополчения, которому в октябре 1941 г. выпало сыграть важную и трагическую роль в сражении за столицу, следует отметить, что 12 дивизий, на создание которых ушло всего несколько дней, явились типичным продуктом мобилизационной советской административной модели, когда в чрезвычайных условиях, наряду и «поверх» институциональных механизмов подключались неофициальные, временные, основанные на личных компетенциях и связях руководящих работников партийных, советских и военных органов. Именно в этой парадигме было осуществлено формирование дивизий народного ополчения. Образовавшаяся в короткие сроки управленческая вертикаль, объединившая воедино ресурсы партийных, государственных и военных органов управления, проявила себя вполне эффективной, обеспечив быстрый, но формальный результат. В дальнейшем потребовалось много усилий для его корректировки.

Выбранный в качестве самого простого производственно-территориальный способ комплектования ополчения противоречил устоявшимся принципам работы местных органов военного управления (военкоматов), главным из которых был пропуск призывников через призывные комиссии и медицинское освидетельствование. Недостатки в отборе добровольцев при комплектовании дивизий народного ополчения стали причиной того, что в их составе оказалось много лиц, не пригодных к военной службе по возрасту, состоянию здоровья или неподходящих по слу-

⁷⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 9. Оп. 7. Д. 1. Л. 8.

⁷⁶ Москва прифронтовая. С. 91.

⁷⁷ Цифру в 7 тыс. чел. как предельную приводят в своих докладах в Военный совет МВО тройки Молотовского (3-я дивизия), Куйбышевского (4-я дивизия) Ленинградского (18-я дивизия) районов. См.: ЦАМО. Ф. 135. Оп. 12462. Д. 24. Л. 207, 284.

жебному признаку. С июля по сентябрь 1941 г. в несколько этапов из дивизий отчислялись непригодные для строевой службы люди. Масштабы отсева были очень значительными, что в течение длительного времени мешало стабилизировать состав подразделений на его штатных должностях и вести полноценную боевую подготовку.

Поступила в редакцию / Submitted: 16.02.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.03.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 28.07.2023

References

- Aleshchenko, N.M., Burkov, K.I., Kolesnik, A.D., and Sinityn, A.M. *Moskovskoe opolchenie: Kratkii istoricheskii ocherk* [The Moscow Militia: A brief historical essay]. Moscow: Voenizdat Publ., 1969 (in Russian).
- Artemiev, P.A. “Nepredolimaia pregrada na podstupakh k stolitse [An insurmountable barrier on the outskirts of the capital].” *Bitva za Moskvu* [The Battle for Moscow]. Moscow: Moskovskii rabochii Publ., 1966, p. 105–121 (in Russian).
- Biryukov, V.K. *Dobropol'tsy-moskvichi na zashchite Otechestva. 3-ya Moskovskaya kommunisticheskaya strelkovaia diviziia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Muscovite volunteers in defense of the Fatherland. The 3rd Moscow Communist Rifle Division in the years of Great Patriotic War]. Moscow: Yauza Publ., 2017 (in Russian).
- Budnitsky, O.V. “Moscow People's Militia: reasons and features of creation.” *Rossiiskaya istoriya*, no. 3 (2020): 3–20, <https://doi.org/10.31857/S086956870010139-3> (in Russian).
- Bukov, K.I., Gorinov, M.M., Ponomarev, A.N., eds. *Moskva voennaia. 1941–1942: Arhiv. dok. i materialy* [Moscow is military. 1941–1945: Memoirs and archive documents]. Moscow: Mosgorarchiv Publ., 1995 (in Russian).
- Emelin, A.S, ed. *Russkii arkhiv: Velikaia Otechestvennaia: Prikazy narodnogo komissara oborony SSSR* [Russian Archive: The Great Patriotic War: Orders of the People's Commissar of Defense of the USSR], vol. 13. Moscow: TERRA Publ., 1994 (in Russian).
- Gordon, A.E. “Moskovskoe opolchenie 1941 goda glazami uchastnika [The Moscow militia of 1941 through the eyes of a participant].” *Otechestvennaya istoriya*, no. 3 (2001): 158–163 (in Russian).
- Gorinov, M.M., Parkhachev, V.N., and Ponomarev, A.N. *Moskva prifrontovaia. 1941–1942: Arhiv. dok. i materialy* [Moscow is frontline. 1941–1942: Archive. doc. and materials] Moscow: Mosgorarchiv Publ., 2001 (in Russian).
- Karimov, V.I. *Oni otstoiali Moskvu. Letopis' narodnogo opolcheniia Moskv* [They defended Moscow. Chronicle of the People's Militia of Moscow]. Moscow: Planeta Publ., 2016 (in Russian).
- Karimov, V.I. *Oni otstoiali Moskvu. Po zovu serdtsa, po veleniiu sovesti* [They defended Moscow. At the call of the heart, at the behest of conscience]. Moscow: Planeta Publ., 2017 (in Russian).
- Kirillov, A.A. *Diviziia geroev: ot Moskv do El'by: boevoi put' 21-i divizii narodnogo opolcheniia Moskv* [Division of Heroes: from Moscow to the Elbe: the battle path of the XXI Division of the People's Militia of Moscow]. Petrozavodsk: IP Markov N.A. Publ., 2016 (in Russian).
- Klimanov, V.V. *Soboi zaslunili Moskvu: podvig 17-i strelkovoii divizii narodnogo opolcheniia* [They overshadowed Moscow: the feat of the 17th Infantry Division of the People's Militia]. Moscow: Abelia Publ., 2005 (in Russian).
- Klyatskin, S.M., ed. *Moskva – frontu. 1941–1945: Sb. dok. i materialov* [Moscow to the front. 1941–1945: Collection of doc. and materials]. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Kolesnik, A.D. *Narodnoe opolchenie gorodov-geroev* [People's Militia of Hero Cities]. Moscow: Nauka Publ., 1974 (in Russian).
- Ortenberg, D.I. *Iiun' – dekabr' sorok pervogo: Rasskaz-hronika* [June – December of the forty-first: A Chronicle story]. Moscow: Sovetskii pisatel' publ., 1984 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A., ed. *Opolchenskie formirovaniia Rossiiskoi Federatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Militia formations of the Russian Federation during the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Proektor, D.M., ed. *Narodnoe opolchenie zashchishchaet Rodinu* [The People's Militia protects the Motherland]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Runin, B. *Zapiski sluchaino utselevshogo* [Notes of an accidental survivor]. Moscow: Vozvrashchenie Publ., 2010 (in Russian).

- Slukhay, I.A. *Moskovskoe narodnoe opolchenie Velikoi Otechestvennoi voiny* [Moscow people's militia of the Great Patriotic War]. Moscow: Izdatel'stvo Patriot, 2013 (in Russian).
- Shimkevich, V. *Sud'ba moskovskogo opolchentsa. Front, okruzhenie, plen. 1941–1945* [The fate of the Moscow militia. Front, encirclement, captivity. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2008 (in Russian).
- Vakhromeev, V. *Vyzhit' i vernut'sia. Odisseia sovetskogo voennoplennogo. 1941–1945* [Survive and come back. Odyssey of a Soviet prisoner of war. 1941–1945]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011 (in Russian).
- Vladimirov, Yu.V. *Voina soldata-zenitchika: ot studencheskoi skam'i do khar'kovskogo kotla, 1941–1942* [The war of the anti-aircraft gunner soldier: from the student bench to the Kharkov boiler, 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2010 (in Russian).
- Yushinsky, Yu.T., ed. *Rostokinskaia diviziia. Vospominaniia, pis'ma, biografii* [Rostokinskaya division. Memoirs, letters, biographies]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2019 (in Russian).
- Zhukov, G.K. *Vospominaniia i razmyishleniia* [Memories and reflections], vol. 1. M.: Olma-Press Publ., 2002.
- Zylev, B., and Darkov, A. *V viazmskom okruzhenii. Vospominaniia boitsov 6-i divizii narodnogo opolcheniia. 1941–1942* [In the Viazma environment. Memoirs of fighters of the 6th Division of the People's Militia. 1941–1942]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2015 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Алексей Юрьевич Безугольный, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел новой и новейшей истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, 32а; ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории Российской академии наук; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>

Alexey Yu. Bezugolny, Dr. Habil. Hist., Leading Researcher at the Department of Modern and Contemporary History, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; 32a, Leninsky Prospekt, Moscow, 119334, Russia; Leading Researcher at the Center for the History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; 19, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia; besu111@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4055-0563>